

Пройденный рубеж (обсуждение внутрипартийных и государственных проблем на Пленуме ЦК ВКП(б) 10–17 ноября 1929 г.)

М.А. ФЕЛЬДМАН *

* **ФЕЛЬДМАН Михаил Аркадьевич** – доктор исторических наук, профессор Уральского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Адрес: 620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66. E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Усиление критических подходов в современной исторической литературе к развитию капиталистических отношений в современной России отразилось и на эволюции представлений о НЭПе: налицо нарастание пессимистических выводов о невозможности альтернатив сталинскому варианту социально-экономического развития СССР. В статье отстаивается иная точка зрения. Утверждается, что в работах экономистов и работников Госплана 1927–1929 гг. содержалась программа разумной модернизации страны на основе смешанной экономики. Ноябрьский (1929 г.) Пленум ЦК ВКП(б) стал важным рубежом превращения большевистской партии из организации авторитарного типа в тоталитарную. Вместе с тем логика обсуждения проблем сельского хозяйства вела к признанию необходимости сближения темпов роста технического парка, предназначенного для нужд деревни, и динамики колхозно-совхозного строительства. Итогом далеко не однозначной дискуссии стало принятие резолюции компромиссного характера: успехи колхозного строительства связывались с еще только предстоящей постройкой новых мощных тракторных заводов; резолюция не содержала никаких конкретных цифр-заданий по темпам коллективизации.

Ключевые слова: партия, Пленум ЦК ВКП(б), НЭП, СССР, развитие, руководство, ученые, управленцы, хозяйственники, индустриализация, коллективизация.

DOI: 10.31857/S086904990008513-6

Цитирование: Фельдман М.А. (2020) Пройденный рубеж (обсуждение внутрипартийных и государственных проблем на Пленуме ЦК ВКП(б) 10–17 ноября 1929 г.) // Общественные науки и современность. № 1. С. 102–116. DOI: 10.31857/S086904990008513-6

The Milestone Reached (Discussion of Internal Party and State Problems at the Plenum of the Central Committee of the CPSU (B) November 10–17, 1929)

Michael A. FELDMAN *

***Michael A. Feldman** – PhD (History), Professor at Ural Institute of management (branch of the Presidential Academy of National Economy and Public Administration). Address: 66, Str. 8-go Marta, Ekaterinburg, 620144. E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Abstract. The strengthening of critical approaches in modern historical literature on the development of capitalist relations in modern Russia has also affected the evolution of ideas about NEP: there is an increase in pessimistic conclusions about the impossibility of alternatives to the Stalinist version of the socio-economic development of the USSR. The article advocates for a different point of view, arguing that the works of economists and employees of the Gosplan in 1927–1929 contained a reasonable state modernization strategy based on the mixed economy. The November (1929) Plenum of the CPSU (b) became an important milestone in the transformation of the Bolshevik party from an authoritarian organization into a totalitarian one. At the same time, the logic of agricultural issues discussions led to recognition of the need for convergence between the growth rate of the technical Park, designed for the needs of the village, and the dynamics of collective and state farm construction. The result of that quite an ambiguous discussion was adoption of the compromise resolution: success in collective farm construction depended on the upcoming construction of new powerful tractor plants; the resolution did not contain any specific figures-tasks on the pace of collectivization.

Keywords: the Party, Plenum of the Central Committee of the CPSU (b), the NEP, the Soviet Union, development, leadership, academics, business executives, industrialization, collectivization.

DOI: 10.31857/S086904990008513-6

Citation: Feldman M. (2019) The Milestone Reached (Discussion of Internal Party and State Problems at the Plenum of the Central Committee of the CPSU (B) November 10–17, 1929) *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 102–116. DOI: 10.31857/S086904990008513-6 (In Russ.)

Ноябрьский (1929 г.) Пленум ЦК ВКП(б) относится к тем историческим событиям, которые не вызывали особых разночтений у отечественных и зарубежных историков. Н. Верт, одним из первых представивший современное видение советской истории, отмечал, что на ноябрьском Пленуме ЦК “полностью дискредитированная оппозиция подвергла себя публичной самокритике” [Верм 1992, с. 185]. В то же время “не без оговорок ноябрьский 1929 г. Пленум ЦК партии принял сталинский постулат о коренном изменении отношения крестьянства к коллективным хозяйствам и одобрил нереальный план роста промышленности и ускоренной коллективизации” [Верм 1992, с. 188]. По мнению Р. Такера, “в ноябре 1929 г. Пленум ЦК отверг как фракционный маневр, тщательно сформулированный документ о капитуляции, представленный Бухариным, Рыковым и Томским”. Лидеры “правых” окончательно отреклись от своих взглядов [Такер 1991, с. 378]. Спустя два десятилетия Такер подтвердил свою оценку: “Ноябрьский Пленум был уже сталинским, в том смысле, что оппозиция уже не подавала голоса... а политическая линия Сталина получила искомое одобрение”, отмечая, однако, что “некоторые из участников пленума выражали, хотя и осторожно, определенные сомнения и опасения” [Такер 2013, с. 169]. Не отличались от приведенных выше мнений и оценки советских авторов времен перестройки – О. Лациса, В. Селюнина и др. Как писал в середине 1990-х гг. Н. Ивницкий, Ноябрьский (1929 г.) Пленум ЦК проходил по сталинскому сценарию, “в обстановке неоправданного оптимизма, восхваления мнимых успехов, игнорирования

недостатков и перегибов в коллективизации» [Ивницкий 1995, с. 253]. “Подобный пафос был присущ большинству выступлений на Пленуме – достигнуты решающие успехи, которые необходимо приумножить, продолжая взятый курс. О нарастающих проблемах, противоречиях и трагических последствиях проводимой политики говорили вскользь, как о временных, неизбежных трудностях”, – пишут во Введении к Стенографическому отчету Ноябрьского (1929) Пленума ЦК ВКП(б) В. Данилов, О. Хлевнюк и Г. Горская [Как ломали... 2000, с. 13]. «В обстановке политической истерии и нарастания радикализма “умеренные” силы в партии были принуждены замолчать» [Хлевнюк 2015, с. 158]. Единодушие авторов, казалось бы, позволяет “закрыть тему”. Однако комплексное изучение материалов всех пяти Пленумов ЦК ВКП(б) в апреле 1928–ноябре 1929 гг. и съездов работников Госпланов СССР позволило обратиться к новому прочтению Стенографического отчета Ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК.

Пленум ЦК ВКП(б) стал серьезным испытанием для Г. Кржижановского – многолетнего председателя Госплана. Ореол одного из первых марксистов России и личного друга В. Ульянова еще в петербургский период (1893–1895 гг.) уже не гарантировал политическую безопасность. В памяти И. Сталина и его окружения Кржижановский оставался убежденным сторонником НЭПа и экономических принципов регулирования экономики, руководителем Госплана 1920-х гг., в котором работали ученые, открыто выступавшие против волюнтаристских методов форсирования темпов роста народного хозяйства и зафиксировавшие свою позицию во всех вариантах Первого пятилетнего плана. Для сталинской “команды” недовольство содержанием Первого пятилетнего плана, сохранившего курс на сочетание государственного и частного секторов в экономике, не могло не фокусироваться на шестидесятилетнем руководителе Госплана. Все выступления Кржижановского на четырех предшествующих Пленумах ЦК (апрель 1928–апрель 1929 гг.) были дипломатически выдержаны: глава Госплана стремился поставить разработку проектов Первого пятилетнего плана над внутрипартийными дискуссиями и вне личной или групповой борьбы за власть. Это удавалось Кржижановскому довольно долго: до весны 1929 г. – времени победы сталинской фракции.

В ноябре 1929 г. поле для маневра у него весьма сузилось – интонации должны были уступить место намекам, четкость мысли – недосказанным фразам. Свой доклад “Контрольные цифры народного хозяйства на 1929/1930 хоз. г.”, открывавший работу первого дня Пленума ЦК ВКП(б) (10 ноября 1929 г.), Кржижановский начал с упоминания о грандиозной программе социально-экономического строительства (Первого пятилетнего плана), принятой Пятым съездом Советов в мае 1929 г. “Вы помните, какие огромные ставки стояли в этом плане. Утроить продукцию промышленности, удвоить производительность промышленного труда, снизить себестоимость промышленной продукции на 35%, поднять урожайность на 35%, посевную площадь наших полей на 22%, реальную зарплату на 71%, вложить за пять лет в построение промышленности от 15 до 16 миллиардов рублей” [Как ломали... 2000, с. 21].

Еще в апреле 1929 г. Кржижановский, выступая на Пятом съезде работников госпланов СССР, мог говорить о давлении “сверху” на составителей Первого пятилетнего плана [Проблемы... 1929, с. 9, 74]. В ноябре 1929 г. руководитель Госплана только констатировал факт очередного резкого увеличения плановых показателей на основе **“целого ряда постановлений директивного (партийного) органа** (выделение – М.Ф.) летом – осенью 1929 г.”. Так, Кржижановский уже *после утверждения Первого пятилетнего плана*, сооружения двух заводов комбайнов, способных “превзойти выпуск подобных машин в США”, оставил возможность выполнения принятых удвоенных плановых заданий по выпуску тракторов без комментариев. В такой ситуации весьма двусмысленно звучал призыв к верности ленинизму – “прожектору, освещающему все это хозяйственное строительство”. “Борьба за неискривленную линию, борьба за генеральную линию партии,

воплощающую учение Ленина”, могла пониматься и как верность директивам XV съезда ВКП(б), рассматривавшего НЭП как социально-экономическую основу всего переходного периода. В подтверждение такой трактовки ленинизма, Кржижановский подчеркнул, что только сама хозяйственная практика может проверить реальность плановых заданий (“установки этого плана будут проверены действительным опытом самих трудящихся”). Но удержаться на вершине хозяйственного аппарата в большевистском государстве можно было, только выражая демонстративную поддержку партийных лидеров. Слова о необходимости ожесточенной “борьбы с троцкистами и полутроцкистами с одной стороны, и (одновременно) борьбы с квазиреалистами-правооппортунистами” – звучали впервые в лексиконе руководителя Госплана, на протяжении весны 1928–весны 1929 гг. упорно отстаивавшего реализм плановых заданий, совместно с теми, кто были на Апрельском (1929) Пленуме ЦК ВКП(б) заклеены в качестве “правых” [Как ломали... 2000, с. 21, 23, 24].

Обращение к ленинскому “прожектору” было и наивной верой в абсолютную правоту русской версии марксизма, и надеждой на неприкосновенность старых большевиков – представителей “ленинской гвардии”, и попыткой воздействовать на сознание “сталинцев”. В конкретной ситуации ноября 1929 г. Кржижановский продолжал выполнять свой профессиональный долг управленца, пытаясь сберечь, хотя бы частично, творение экономической науки России – Пятилетний план. Демократический спектр русского марксизма к концу 1920-х гг. заметно сузился – до границ профессионального выполнения своих обязанностей.

Как и год назад, на Ноябрьском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б), работа партийного форума включала в себя формат содокладов Кржижановского и председателя Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), члена Политбюро ЦК ВКП(б) В. Куйбышева. Заседание второго дня работы Пленума ЦК ВКП(б) открывалось содокладом Куйбышева. Но несмотря на то, что содержание содокладов, чем дальше, тем во все большей степени, расходилось в понимании подходов к экономической политике, в оценках ситуации в народном хозяйстве, в определении масштабов темпов роста и количественных параметрах, оба выступающих сохраняли внешнюю лояльность по отношению друг к другу, характерную для части старых большевиков. Свой доклад Куйбышев выстроил во вполне определенном ключе: доказательств правоты сторонников Сталина, взявших курс на свертывание нэповской экономики. Именно поэтому содоклад председателя ВСНХ начинался с риторических вопросов: “Правильна ли была политика партии в деле руководства хозяйством? В чью пользу решается спор, который был в течение 1928/29 года? Партия ли права или правы те, кто атаковал партию, атаковал правильность руководства партией хозяйственной политикой? Права ли партия или правы правые уклонисты?” [Как ломали... 2000, с. 39]. Вопросы были риторическими не только для Куйбышева, связавшего свою судьбу с деятельностью Сталина, но и для большинства участников Пленума: поражение весной 1929 г. тех, кто отстаивали сохранение многоукладной экономики, расставило приоритеты политического поведения для членов ЦК. От Куйбышева требовались только статистические выкладки, подтверждающие справедливость и закономерность перемены курса правящей партии.

Поскольку ВКП(б) постоянно идентифицировала себя как партию рабочего класса, Куйбышев заявил о “безусловной” поддержке рабочими сталинского курса: “В рабочем классе мы видим огромное проявление активности, небывалый подъем активности, выразившийся в широком развертывании самокритики, выразившийся в широком развертывании процесса социалистического соревнования. Рабочий класс всколыхнулся для быстрого построения социализма, для активного участия в социалистическом строительстве”. В подтверждение столь пафосных слов Куйбышев привел только *отдельный пример* работы ударной молодежной бригады на электростанции в Ленинграде (!) [Как ломали... 2000, с. 39]. Речь главы экономического ведомства не содержала даже намека

на какие-либо статистические данные о формах массовой поддержки политики разрыва с НЭПом со стороны представителей “правящего класса”.

Отталкиваясь от еще одного единичного примера – письма американского инженера, приглашенного на строительство СТЗ, – Куйбышев сделал не менее многозначительный вывод: трудности строительных работ первого года пятилетки заключаются “не в малой производительности рабочих, не в малой квалифицированности наших рабочих, а помехи эти – в недостаточной организации работ, на что он особенно напирал, в *недостаточной благонадежности и в плохом качестве наших командных кадров*” (выделено мной. – М. Ф.). Для того чтобы эта мысль – отголосок “Шахтинского процесса” – не оставила сомнений у членов ЦК, Куйбышев подтвердил: “...если и есть задержки в осуществлении американских темпов строительства на наших заводах, то эти задержки идут не со стороны наших рабочих. Рабочий, зараженный трудовым энтузиазмом, может сделать чудеса”. Таким образом, большевистское утопическое видение *неограниченных* возможностей промышленных рабочих обрело свою установку, оторванную от экономических принципов. В то же время вся вина за гигантский перерасход средств (накладные расходы на строительстве СТЗ более чем в четыре раза превышали аналогичные траты в США) [Как ломали... 2000, с. 41] возлагалась на “вредительство специалистов”.

Далее, Куйбышев обратился к изложению успехов выполнения планов 1928/29 г. народнохозяйственного года. В области промышленности главным доказательством стали многочисленные примеры кратного роста финансирования строящихся объектов при одновременном увеличении проектных мощностей. В сельском хозяйстве аргументом выступал “бурный рост социалистического сектора” – расширение числа колхозов и совхозов [Как ломали... 2000, с. 43–44, 62]. Такие “успехи” позволили руководителю ВСНХ, во-первых, оптимистично заявить: “...мы значительно превзошли пятилетний план уже в 1928/29 г. 1929/30 г. даст дальнейшее доказательство того, что пятилетний план, так называемый оптимальный вариант, превращается в минимальный план”. Еще более радужным стал следующий вывод: динамика численности коллективных хозяйств “по существу означает начало изжития хлебного кризиса, начало изжития зерновой проблемы, начало совершенно иного положения с делом продовольственного снабжения городов”. Во-вторых, сделать безапелляционный вывод: «итоги 1928/29 г. говорят о полном банкротстве линии “правых”» [Как ломали... 2000, с. 42–43].

Сталинский метод, апробированный на Апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП (б), – применение массированного социально-политического обмана (бездоказательных фальсификаций, например о “создании в последнее время условий, необходимых для массового развития колхозов и совхозов”), демонстрировался вновь в ноябре 1929 г. Однако специфика “советского проекта” – причудливое сочетание утопии и конкретных индустриальных программ – заставила Куйбышева ввести в доклад примеры противоположного характера. Руководитель ВСНХ признал необходимость обращения к технической помощи передовых стран Запада (при сооружении и эксплуатации промышленных объектов) во всех основных отраслях экономики. В частности, “металлургических заводов мы еще не умеем строить. Мы можем строить отдельные домны, отдельные мартеновские цеха, и то долго, и то дорого, но построить металлургические гиганты вроде Магнитогорского... мы сами строить не можем”. Коллективизация начиналась, по признанию докладчика, при неразвитом сельхозмашиностроении; находящихся на зачаточном уровне автомобильной, тракторной отраслях промышленности. “Для крупного сельского хозяйства, для крупных колхозов, тем более для гигантов совхозов требуются значительно более мощные трактора чем те, которые производятся в СССР”. Еще более резко прозвучали слова Куйбышева о состоянии отечественного автомобилестроения: “...сейчас мы имеем, как вы знаете, крайне незначительную базу, нищенскую базу” предприятий, занимающихся сборкой машин из привозных фордовских деталей [Как ломали... 2000, с. 51, 52].

Однако наиболее ярким в речи Куйбышева оказался другой сюжет: характеристика уровня технической подготовки производственных кадров: "...основная трудность – это наша техническая безграмотность, наш низкий технический уровень" [Как ломали... 2000, с. 68]. Нетрудно заметить, что акценты в начале доклада и в его завершении – оказались противоположными. Не надуманное "вредительство" инженеров и техников, а не соответствующий задачам индустриализации культурно-технический уровень рабочих – выходил на первое место в списке проблем экономического развития.

Куйбышев мог вводить в текст речи фразы типа "благосостояние рабочего класса в течение 1928/29 г. получило тоже значительный сдвиг вперед" [Как ломали... 2000, с. 43]. Но участникам Пленума из донесений ОГПУ (объединенного государственного политического управления) хорошо были известны факты очевидного ухудшения социального положения советских рабочих в первый год пятилетки. «Сводки ОГПУ о снабжении предприятий и промышленных районов показывали, в чем реально состояли преимущества индустриальных рабочих, по сравнению с остальными плановыми потребителями. Рабочие получали не 300, как остальные, а 600–800 грамм черного хлеба плохого качества, по 100–200 грамм мяса в "мясные дни"». Но что это было за мясо – конина, солонина. Нередко мясо заменялось воблой, рыбой, консервами. Другие продукты – крупа, сахар, масло, чай, сельдь, макароны – продавались с перебоями. В лучшем случае рабочая семья получала в месяц по 0,5–1 кг сахара и крупы да бутылку растительного масла. В городах страны повсеместно были введены всесоюзная карточная система на хлеб (февраль 1929 г.) и мясо (июль 1930 г.), а также нормирование основных продуктов питания. Ненормированные продукты – сыр, колбаса, творог, конфеты, сметана и прочее – отсутствовали в кооперативах неделями, а то и месяцами, а когда появлялись, также продавались по нормам [Как ломали... 2000, с. 76, 78]. Заметное ухудшение положения рабочих в сравнении с годами НЭПа вызвало целый ряд рабочих забастовок. Только в одной текстильной промышленности в первом квартале 1930 г. прошли 92 забастовки (тогда как за весь 1929 г. – 66) [Осокина 2008, с. 115].

Характерно, что во время выступления Куйбышева участники Пленума высказывали поправки и указывали на неточности доклада. Насколько же содоклад Куйбышева был убедителен для членов ЦК? Это продемонстрировали последующие выступления. Показательной можно считать речь председателя ЦИК Украины Г. Петровского. Поддержавший доводы Рыкова в апреле и июле 1928 г., украинский "президент", судя по стенограмме, чувствовал себя на ноябрьском Пленуме весьма неуверенно. Призыв к покаю, адресованный лидерам "правых" [Как ломали... 2000, с. 74–75], выглядел только фрагментом в перечислении трудностей сложившейся ситуации. В первую очередь, это касалось тяжелого положения с продовольственным обеспечением промышленных **центров**. Даже деликатный оборот: "рабочий класс как-то понимает трудные обстоятельства, переживаемые нами" [Как ломали... 2000, с. 70], явно диссонировал со словами Куйбышева об "энтузиазме", охватившем рабочие массы. Петровский приводил примеры коммун на Украине, неспособных к товарному производству, отличающихся запустением своих земель и угодий; говорил об избавлении от скота в крестьянских дворах, вынужденных вступать в колхозы. Двусмысленно звучали фразы представителя Украины о "заслугах партийных организаций республики, заставивших мужика сеять в неблагоприятную погоду". В косвенной форме Петровский отреагировал на развернутую с ноября 1928 г. пропагандистскую истерию борьбы с "правым уклоном", заявив, что правый уклон "обладает слабыми силами" [Как ломали... 2000, с. 73, 74].

Специфика работы Пленума в ноябре 1929 г. заключалась в обостренном чутье сторонников сталинской политики на любые отклонения от оценок генерального секретаря ЦК. Минимальное "вольномыслие" Петровского тут же вызвало "отповедь" первого секретаря Казахского крайкома Ф. Голощекина, заявившего: "...мне кажется, многие

и сейчас, это проиллюстрировал тов. Петровский, не поняли глубины разногласий и той огромной опасности, которую представляет правый уклон и по своей идеологии, и на практике”. По мысли Голощекина, “правый уклон по всем линиям расходился с ленинизмом”. “Банкротство” правого уклона Голощекин видел и в успехах коллективизации в Казахстане, где действительно в короткий срок были организованы 4500 колхозов [Как ломали... 2000, с. 75–76]. Однако вопрос об экономических результатах работы колхозов Голощекиным не поднимался.

Обязательную “порцию” осуждения правых включил в свое выступление и нарком внешней и внутренней торговли СССР А. Микоян. Но речь Микояна была интересна не проклятиями в адрес “отступников”. Анализируя структуру советского экспорта, нарком сообщил, что стоимость поставок за рубеж леса, нефти и пушнины (примерно 550 млн руб.) сопоставима со стоимостью импорта промышленного оборудования (530 млн. руб.) [Как ломали... 2000, с. 77, 88]. Фактически это означало, что форсирование коллективизации для *роста зернового экспорта* теряло свою остроту и необходимость.

Должность в управленческой иерархии в СССР нередко видоизменяла линию поведения человека. Так, председатель союза металлистов СССР Н. Шверник, зарекомендовавший себя в качестве верного исполнителя сталинских поручений, в качестве главного сюжета выбрал материальное положение рабочих. «Рабочие жалуются: “безобразие, работаем здесь свое время в цеху, а когда приходим домой, по четыре часа приходится стоять в очереди”. Приходится тратить по четыре часа и больше и жене, и самому рабочему на стояние в очередях. Таким рабочим, как доменщики, прокатчики, работа которых очень тяжела и которым необходим нормальный отдых, приходится по четыре часа стоять в очереди» [Как ломали... 2000, с. 93]. Не менее выразительным было указание профсоюзного лидера на то, что даже “рабочие, занятые на тяжелой работе, не получают жиров. Не получают даже и той нормы, которая установлена, вследствие этого они поднимают вопрос об увеличении нормы хлеба для тех рабочих, которые имеют большую семью. Речь идет о членах семьи. Поэтому рабочие говорят, что, если нет жиров, прибавьте немножко хлеба для членов семьи, чтобы можно было пополнить хлебом отсутствие жиров” [Как ломали... 2000, с. 94]. Обобщая *реальность* советских промышленных центров, Шверник выстроил тип “плохих” предприятий, для которых характерны: “низкая заработная плата, неограниченная продолжительность рабочего дня, переполнение, антисанитарные квартирные условия, отсутствие просветительской помощи, детских садов и т.п.” В противовес “плохим”, были *умозрительно* сконструированы и “хорошие”: с “врачебным и санитарным надзором, высокой заработной платой, улучшением личной жизни и хорошей пищей”, организацией культурно-просветительских мероприятий и т.п. [Как ломали... 2000, с. 98]. Действительность и проекты 1929 г. соприкоснулись в речи профсоюзного работника, будущего символического “президента” СССР. Показательным можно считать конкретное предложение Шверника: профсоюзам и хозяйственным структурам необходимо “повернуться лицом к огородам” и подсобным хозяйствам вокруг заводов. Однако, признав неспособность государственного сектора обеспечить рабочих продовольствием и товарами, Шверник внес свою лепту в осуждение правых, неоднократно предупреждавших об опасности и последствиях свертывания частных предприятий и гонений на индивидуальных предпринимателей [Как ломали... 2000, с. 94, 100].

И. Любимов, председатель правления Центросоюза СССР, отметил, что в сравнении с цифрами Пятилетнего плана произошло снижение расходов на модернизацию потребительской кооперации. Более того, подчеркнул Любимов, в ходе изменения заданий Пятилетнего плана “по контрольным цифрам намечено изъятие из средств потребительской кооперации в нынешний год против тех норм, которые мы имели в минувшие два года, 600 млн рублей. Изъятие производится самыми разнообразными путями: путем увеличения промыслового налога, путем обязательства кооперации участвовать в займе,

путем повышения оптовых цен без права повышать розничные цены, путем снижения розничных цен на промышленные товары”. “Таким образом, мы лишились всей торговой прибыли” – констатировал докладчик – и это блокирует возможность улучшения работы потребительской кооперации. В условиях низкого качества советских товаров народного потребления сохранение отсталости сферы торговли и обслуживания превращалась в серьезную социальную проблему [Как ломали... 2000, с. 102, 104]. В коротком выступлении Любимова скрытому осуждению подверглись волюнтаристские методы формирования цен; были указаны и те значительные денежные ресурсы, которые оказались в руках Советского государства. Это было единственное выступление за первые два дня работы Пленума, в котором не нашлось места осуждению “правых”.

Словно “исправляя ошибки предшествующего оратора”, Р. Эйхе начал свою речь с брани в адрес М. Томского [Как ломали... 2000, с. 105]. Но далее лидер сибирских коммунистов вновь продемонстрировал ту словесную эквилибристику, которая царила 10 и 11 ноября на Пленуме ЦК, словно отражая пространство между реальностью и утопией. Заявив о том, что коммунуны и артели – высшая стадия коллективизации – полностью себя оправдывают в 1929 г., Эйхе тут же заметил, что коллективные хозяйства без средств механизации сходны с фабриками без механических двигателей. С учетом того, что поставки тракторов в “социалистические хозяйства” Сибири оставались мизерными [Как ломали... 2000, с. 107], вывод напрашивался вполне определенный. Еще годом ранее такой парадокс приводил к заключению о необходимости соответствия темпов роста коллективизации и насыщения деревни сельскохозяйственной техникой. 11 ноября 1929 г. резюме Эйхе было совсем иным: докладчик, ссылаясь на решение Пленума Сибирского краевого комитета партии, предложил вывести Н. Бухарина из состава Политбюро ЦК [Как ломали... 2000, с. 108]. Признание существования болезни не в первый раз в истории завершалось призывом покарать врача.

Ощущение определенного тупика витало над участниками Пленума, и нужен был человек, проговоривший не только заклинания в адрес “крамольников”, но и изложивший какой-то вариант прагматического выхода. Таким “избавителем” стал малоизвестный член президиума ВСНХ А. Толоконцев, предложивший “ужесточить нормы выработки процентов на двадцать, и тут и партия, и хозяйственники, и профсоюзы должны занять единый фронт” [Как ломали... 2000, с. 110]. На вопросы, поставленные главой ВСНХ, был дан практический ответ представителем его же команды. Утопии потеснились – и правота “партии рабочего класса” сфокусировалась в действительности – в призыве увеличения норм выработки для советских рабочих.

Формат работы Пленума был определен, остались частности. Выступление кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) председателя СНК Украины В. Чубаря, открывавшего третий день работы Пленума, это полностью подтвердило. Украинский “премьер”, отстаивавший реалистический курс на Пленумах ЦК в апреле и июле 1928 г., 12 ноября 1929 г. говорил обо всем обтекаемо, заменяя оценки и выводы отдельными статистическими данными. Замечание Чубаря: “контрольные цифры... которые мы рассматриваем и обсуждаем, недостаточно проработаны в районном разрезе, недостаточно проработаны с точки зрения увязки экономики отдельных районов” – было тут же нейтрализовано его же утверждением – “намеченный план на 1929/30 г., по-моему, целиком реален” [Как ломали... 2000, с. 114–115]. Стандартный для Пленума призыв к продолжению и углублению борьбы с “правым уклоном”, видимо, должен был гарантировать Чубарю место в руководящей когорте.

Для беспокоящихся за свое место в ЦК вариантов выступлений оставалось не столь много: по примеру первого секретаря ЦК ВКП(б) Белоруссии Я. Гамарника следовало заполнить свою речь обвинениями “правых” в отступлении от ленинизма и призывом к публичному покаянию, а также укоризной Петровскому за самую возможность

ослабления многомесячного третирования главы советского правительства А. Рыкова и его единомышленников [Как ломали... 2000, с. 123–129]. По такому же шаблону были выстроены, например, выступления секретаря ВЦСПС И. Акулова, первого секретаря обкома ВКП(б) Центрально-Черноземной области (ЦЧО) И. Варейкиса. Любое отступление от шаблона становилось заметным, и речь председателя СНК РСФСР С. Сырцова, уделившего основное внимание не бичеванию ошибок правых, а распылению и разбазариванию государственных средств в ходе стихийного создания колхозов, удостоилась укоризненной реплики Сталина: “Вы думаете, все можно предварительно организовать?” [Как ломали... 2000, с. 141], выдавшей болезненное отношение лидера партии к любой критике коллективизации.

Чутье региональных руководителей было обострено: многие из них еще в 1928 г. в той или иной форме поддерживали “правых”. Площадка Пленума уже не позволяла объективно анализировать ход первого года пятилетки, но при выражении политической лояльности Генеральному секретарю возможно было указать на “отдельные недостатки”. Так, в речи первого секретаря Средне-Волжского крайкома ВКП(б) ЦЧО М. Хатаевича говорилось о систематической нехватке запасных частей к тракторам, из-за чего значительная часть тракторов простаивала. Нормы запасных частей, взятые из американской практики, совершенно не подходили для СССР, “поскольку у нас не созданы еще кадры для работы с машинами”. Дополняло картину мнимого “создания условий для форсированной коллективизации” замечание Хатаевича о простое большого числа тракторов из-за отсутствия топлива и его же оценка качества производимой в СССР сельхозтехники – “наша промышленность еще далеко не подошла к обслуживанию реконструкции сельского хозяйства. Например, вырабатываемые на Брянском заводе прицепные тракторные плуги куда не годятся, по-настоящему, их бы надо выбросить и производство прекратить. Они только портят прекрасные земли” [Как ломали... 2000, с. 143–148]. Судя по всему, безусловная поддержка Хатаевичем сталинского курса на четырех предшествующих пленумах позволила большевистскому функционеру представить фрагменты реальной картины неподготовленности советской деревни к технической реконструкции.

События третьего дня работы Пленума ЦК показывают еще одну особенность деятельности “цекистов”: способность “не замечать” те детали и явления, которые не вписывались в официальную концепцию. словно пропустив мимо ушей факты, приведенные Хатаевичем, управляющий Центрального статистического управления СССР В. Милютин говорил только об успехах “социалистического строительства”: о росте посевных площадей колхозов и превращении колхозов в “сельскохозяйственные предприятия промышленного типа” [Как ломали... 2000, с. 151]. Реальность на какой-то срок уступила место желаемому, но вновь вернулась, когда председатель правления треста Донуголь Г. Ломов, рассказывая о положении в Донбассе, заметил: “...мы подошли к пределу для этого года в нагрузке шахт. Дальше есть большая опасность, что мы пойдем за счет роста несчастных случаев и катастроф”. Но куда большая проблема заключалась в “нехватке квалифицированных рабочих угольного бассейна по всем основным профессиям” [Как ломали... 2000, с. 154].

В такой ситуации вечером 12 ноября слово было предоставлено Рыкову. От своего имени и от Бухарина и Томского, глава правительства СССР зачитал письмо, где говорилось о том, что три члена Политбюро, обвиняемых в правом уклоне, “целиком и полностью” разделяли и разделяют генеральную линию партии. Авторы письма напомнили о своем активном участии “в выработке резолюций XV съезда и последующих пленумов ЦК”; в голосовании за утверждение пятилетнего плана и “за контрольные цифры, предлагаемые настоящему пленуму в резолюции ПБ”. Сторонники Рыкова констатировали: мы “всегда боролись против создания фракций и группировок, и ни фракцией, ни оппозицией

не были и не будем”. Наряду с этим, убежденные сторонники сохранения нэповской экономики заявили, что “считают своим долгом, несмотря на недостойные выпады против нас, воздержаться от каких бы то ни было полемических возражений и вновь заявить о своей готовности со всей энергией бороться за разрешение труднейших задач, стоящих перед нашей партией, на основе всех ее решений” [Как ломали... 2000, с. 159, 164, 165]. Рука примирения была протянута.

Однако уже в последующем выступлении председателя ЦКК и наркома РКИ Г. Орджоникидзе прозвучали грубые оскорбления в адрес тех, кто вложили много сил в развитие советской экономики 1920-х гг. Зачитанное письмо было названо “документом жульническим и недостойным члена Центрального Комитета” [Как ломали... 2000, с. 165]. Гнев верного соратника Сталина вызвал *отказ правых покаяться в своих ошибках и отречься от своих прежних взглядов*. В этом сторонники Сталина видели преступные замыслы и сознательную антипартийную позицию своих оппонентов. Шкала критики была обозначена, и начальник Политуправления РККА А. Бубнов мог легко сравнить лидеров правых с символом оппортунизма – “ренегатом” Каутским. Градус критики нарастал, выступающие уже говорили о полном разрыве с ленинизмом вчерашних соратников Ленина. Пренебрежительные оценки, с элементами глумления, прозвучали и в адрес Кржижановского и Петровского – за недостаточную резкость оценок деятельности правых. Только отдельными фрагментами речей звучали просьбы к Центру увеличить финансирование регионов или ведомств. К концу третьего дня работы Пленума, его течение вошло в русло, нужное Сталину. Судя по репликам в стенограмме, он внимательно слушал всех выступающих и короткими ремарками маркировал свое отношение к пользующимся и не пользующимся его доверием.

Начиная с четвертого дня работы, выступления присутствующих на Пленуме можно подразделить на две группы: сообщения, содержащие как критику правых, так и обсуждение хозяйственных проблем, и речи, в которых содержалось только обличение “правого уклона”. Примером первых можно считать выступление председателя ВСНХ РСФСР С. Лобова, посвященное задачам лесной промышленности. Программа удвоения лесного экспорта в 1929/30 хоз. г. не вызывала у докладчика вопросов, даже с учетом признания доминирования ручного труда на лесозаготовках. Выход Лобов видел в расширении “элементов обязательности” в наборе работников на лесозаготовки [Как ломали... 2000, с. 194–198]. В выступлениях “чистых критиков” прослеживалась определенная организация: каждый привносил новое обвинение “правым” – в иезуитстве; фракционной борьбе; в ставке на кулачество и предпринимательские слои, и т.д. В потоке обвинений оставались незаметными “новации”, вроде мысли Е. Ярославского о том, что советской экономике в отличие от капиталистической не грозит никакая инфляция. Речь секретаря ЦК В. Молотова, сопровождаемая частыми одобрительными репликами Сталина, собрала все обвинения в единое целое – сторонники сохранения НЭПа были приравнены к троцкистам и должны были быть удалены из руководящих органов партии. Масштаб опасности очутиться вне партийного авангарда для имеющих “прегрешения” был очерчен. “Грешники” реагировали по-разному: кто-то сдержанно упомянул о своих прежних ошибках, и это было спокойно воспринято участниками Пленума.

Г. Сокольников – в недавнем прошлом нарком финансов, заместитель председателя Госплана – сделал акцент на “разоблачении ошибок правых”, заявив, что предложения “правых” “представляют собой выражение взглядов, которые очень широко распространены и которые представляют собой, несомненно, по существу программу враждебного нам класса” [Как ломали... 2000, с. 252]. Однако слова активного участника троцкистской оппозиции в 1923–1926 гг. вызвали взрыв негодования; речь Сокольникова постоянно перебивал поток язвительных реплик: “топтанье на костях” инакомыслящих не возбранялось – но не для вчерашних сторонников Л. Троцкого.

Короткое выступление Сталина, насыщенное параллелями сравнения борьбы меньшевиков против большевиков, и дискуссии сторонников НЭПа и сталинской фракции в апреле 1928–апреле 1929 гг., включало важный тезис о том, что даже после признания своих ошибок Рыков, Бухарин, Томский и их последователи “не перестали быть правыми уклонистами и готовят почву для нового наступления на ЦК” [Как ломали... 2000, с. 259]. Фактически это был *приговор*, пока политического характера, всем высказавшим несогласие с курсом вождя. День 13 ноября 1929 г. завершал только первую половину работы Пленума ЦК, но рубеж превращения большевистской партии из организации авторитарного типа в тоталитарную был пройден. Думающие участники Пленума это осознали. Заключительное слово по обсуждению первого вопроса Кржижановский начал с примечательной фразы: “время для моего выступления самое неблагоприятное” [Как ломали... 2000, с. 270]. Не раскрывая смысла произнесенных слов, председатель Госплана максимально мягко указал на опасность выполнения требований ряда региональных лидеров существенно увеличить расходы на финансирование нового строительства. Эту мысль, правда, только в отношении откровенно волюнтаристских предложений руководителей Уральской области, поддержал в заключительном слове и Куйбышев, заметивший, что нехватка материальных и людских ресурсов потребует сокращения числа строящихся объектов.

Половинный рубеж работы Пленума был пройден. Сторонники сохранения НЭПа, потерпевшие поражение в апреле 1929 г., в ноябре 1929 г. были “заклеймены” и унижены, но экономическая “проза” в “заключительных словах” Куйбышева и Кржижановского возвращала партийных функционеров к объективной реальности. Формат работы Пленума ЦК определяли не только заготовки фракции Сталина, но и возможности экономики, социальной структуры общества; нежелание либо неготовность ряда “цекистов” называть “черное” “белым”.

Сочетание иррационального и рационального пронизывало доклад Г. Каминского – председателя Колхозцентра “Итоги и дальнейшие задачи колхозного строительства”. Бодрое начало доклада – заявление о “прогрессивно нарастающем темпе колхозного движения” – на первый взгляд, казалось, подкреплено солидной статистикой: “по всему Союзу насчитывается 75 тыс. колхозов, в них 1900 тыс. хозяйств на площади в 8 млн га”. Происходящий “в развитии нашего сельского хозяйства величайший перелом”, Каминский связывал с тем, что “в колхозы наряду с бедняком пошел и середняк” [Как ломали... 2000, с. 278, 287]. Однако стройный ряд отдельно взятых индикаторов и идеологических конструкций явно нарушался при введении докладчиком средних общесоюзных показателей: “плотность коллективизации по всему Союзу” не превышала 7,5 %. Это означало, что, несмотря на “отдельные случаи нажима на крестьян”, политику “чрезвычайных мер”, массированное использование агитационных методов, основная часть не только середняков, но и бедноты на *основах добровольности* проигнорировала призыв к “ускоренной коллективизации” [Как ломали... 2000, с. 279, 287]. В свете столь невыигрышной статистики совершенно по-иному звучали тезисы о руководящей роли Сталина в “ускорении развития сельского хозяйства на путях его коллективизации”, о попытках “правых” не допустить насилия по отношению к крестьянам [Как ломали... 2000, с. 291]. Каминский не стал отвечать на раздраженный упрек секретаря ЦК Молотова в использовании 14 ноября 1929 г. “устарелых данных” (то есть на 1 октября 1929 г.). Куда существеннее у председателя Колхозцентра прозвучал новый статистический посыл: в связи с большим размахом колхозного движения у нас образуются ножницы между объемом коллективизации и ее технической базой: “процент тракторной обработки ко всей пахоте резко падает: если в 1926/27 хоз. г. тракторами было обработано 51% (колхозной) пахотной земли, то в 28/29 хоз. г. – не более 30%, в 29/30 хоз. г. порядка 14%”. “Не приходится скрывать”, констатировал Каминский, “что состояние технического вооружения колхозов оставляет желать много лучшего”. Заключение председателя Колхозцентра вы-

звало мрачную реплику уполномоченного СНК СССР И. Косиора: “Скоро, должно быть, руками будем ковырять” [Как ломали... 2000, с. 292]. Для исправления очевидной картины неподготовленности села к форсированной коллективизации (“площадь, которая намечена 1929/30 годом, не обеспечена в достаточной степени не только тракторами, но и лошадьми”), Каминский привел несколько примеров “ударной” работы передовых колхозов. Неубедительность доклада (несоответствие тезисов и статистики) была исправлена Каминским в духе времени: докладчик сообщил, что главной помехой на пути колхозного строительства является “политика кулачества”: и в форме убийств активистов, поджогов имущества, и в форме “взрывания колхозов изнутри” [Как ломали... 2000, с. 294, 296].

Прения по докладу председателя Колхозцентра мало напоминали обсуждение документа, нацеливавшего деревню на “великий перелом”. Выступления либо рассматривали идеализированные проекты будущих производственно-технических программ, способных дать быстрый экономический эффект в сельском хозяйстве, либо рассказывали о “блестящих” образцах труда колхозников в отдельно взятых колхозах. Нашлось место и для критики Г. Петровского и Н. Крупской за “мягкость” осуждения правых; для призывов усилить “чрезвычайные меры” против крестьян, отнесенных к категории “кулаков”, но при этом не поднималась тема технической оснащенности колхозного строительства на всесоюзном уровне. Радужные сообщения о планах (“без особого труда” (!) увеличить на Северном Кавказе процент крестьян, охваченных колхозами и совхозами, за 1930 г. с 25% до 50% и завершить сплошную “социалистическую коллективизацию” к лету 1931 г.) соседствовали с повествованием о трудностях указанного процесса в Узбекистане, где 96 % хлопководов сохраняли единоличное хозяйство [Как ломали... 2000, с. 334, 339].

Показательно, что нарком земледелия РСФСР Н. Кубяк говорил преимущественно о недостатках колхозного строительства: отсутствии техники, необходимой для реконструкции села; нехватке квалифицированных специалистов в колхозах и совхозах и в органах управления на местах, а председатель Всесоюзного совета сельской кооперации М. Владимирский обратил внимание присутствующих на то, что коллективизация началась без четких нормативных документов, в частности, не определено, что подлежит считать “колхозом”? [Как ломали... 2000, с. 342, 351–354].

Символичным для этой части работы Пленума можно считать выступление председателя правления Хлебоцентра М. Беленького: оптимистическое начало, повествующее о “революционном” воздействии машинно-тракторных станций (МТС) на крестьянские хозяйства, завершалось довольно пессимистическим продолжением: «...в работе кооперативных машинно-тракторных станций чрезвычайно много недостатков. Они находятся только на начальной стадии развития, слабо оборудованы... Не хватает прицепного инвентаря. Станции недостаточно оборудованы гаражами и ремонтными мастерскими. Не хватает организаторов, агрономов, инженеров, техников и т.д. Нагрузка тракторов в наших станциях приближается в среднем к 200 га на трактор. Это большая нагрузка, если учесть изношенность значительной части тракторов и марочный состав нашего тракторного парка, состоящего в большей части из малосильных тракторов “Фордзон” и “Путиловец”. Высокая нагрузка тракторов объясняется тем, что наши станции работают в две и даже три смены – днем и ночью» [Как ломали... 2000, с. 357–363].

Логика обсуждения проблем сельского хозяйства вела к признанию необходимости сближения темпов роста технического парка, предназначенного для нужд деревни, и динамики колхозно-совхозного строительства. Логика сталинского варианта большевизма была принципиально иной. Выступление Молотова переворачивало ход прений: вопреки планам руководства Северного Кавказа, озвученным днем ранее верным сторонником Сталина А. Андреевым, секретарь ЦК заявил о возможности завершить коллективизацию уже летом 1930 г. в регионе Северного Кавказа и осенью того же года – в других областях СССР.

Коллективизация идентифицировалась Молотовым как составная часть построения “социалистического общества”. Идеологическая конструкция “прекрасного далека” должна была закрыть прорехи волонтаристского плана ускорения темпов коллективизации. Подобно тому, как обращение Сталина к приоритету классовой борьбы против кулаков и предпринимателей парализовало сознание участников Пленума ЦК в апреле 1929 г., “освящение” коллективизации в ноябре 1929 г. как закономерной части строительства социализма блокировало реалистические оценки положения в советской деревне. Доводы здравомыслящей части членов ЦК были отброшены и осуждены еще в апреле 1929 г. Статистические данные, приводимые на Пленуме ЦК в ноябре 1929 г., были проигнорированы.

В заключительном слове Каминский не пытался оспорить основные положения выступления Молотова. Максимумом возможного стали слова председателя Колхозцентра: “впоследствии, когда наша промышленность достигнет еще больших успехов, мы будем иметь достаточную материальную базу для создания действительно крупного социалистического производства на основе новейшей машинной техники” [Как ломали... 2000, с. 379]. Фактически это означало признание отсутствия “достаточной материальной базы” для форсированной коллективизации. Подтверждая этот тезис, Каминский произнес: “совершенно ясно, что перевод многомиллионной массы крестьянских хозяйств на рельсы коллективизации и механизации сельского хозяйства может совершиться в основном лишь на крестьянские средства” [Как ломали... 2000, с. 381].

Основы социально-экономической политики “великого перелома” были очерчены на третьем заседании Пленума в ноябре 1929 г., как отмечалось выше, – в призыве к *увеличению норм выработки* для советских рабочих; на десятом заседании – в проведении коллективизации за счет крестьянских средств. Участникам Пленума оставалось только обсудить отдельные производственные вопросы, чему и было посвящено одиннадцатое заседание Пленума. И хотя “отдельные производственные вопросы” порой напоминали тревожный крик, как, например, слова председателя президиума облисполкома Уральской области М. Ошвинцева, “у нас на Урале совершенно не дают тракторов, и если тройка (Рыков, Бухарин, Томский) в своем заявлении указывала на то, что коллективизация развивается на основе тракторных колонн и вообще на основе снабжения тракторами, то это неверно на сегодня, ибо движение коллективизации идет и началось без тракторов и колонн” [Как ломали... 2000, с. 420] – ответом была коллективная “глухота” авангарда ВКП(б). Стенограмма последних минут обсуждения судьбы советской деревни 15 ноября 1929 г. неоднократно фиксирует “смех” – активисты революции и Гражданской войны сделали облегченный выдох: завеса марксистской теории прикрыла несовершенную жизненную практику обещанием счастливого “социалистического завтра”.

Обсуждение вопроса “Об исполнении решений июльского (1928 г.) пленума ЦК о подготовке технических кадров” на двух заседаниях 16 ноября фактически свелось к повтору рассмотрения “Шахтинского дела”. Ассоциирование “старых специалистов” с “вредителями” понижало и доклад секретаря ЦК Л. Кагановича [Как ломали... 2000, с. 445–534]. Прочитовав фрагмент речи Сталина на Апрельском Пленуме ЦК ВКП(б) 1928 г.: “шахтинское дело... есть определенное проявление классовой борьбы против пролетарского государства со стороны классовых врагов”, Каганович подчеркнул, что уже “после шахтинского дела был вскрыт ряд крупнейших вредительских дел, которые показали нам, что основные отрасли нашей промышленности охвачены вредительством”. Так, например, заявил секретарь ЦК, “техническое руководство всем машиностроением и черной металлургией находилось в руках у вредителей”, которые под руководством своего Центрального совета (!), «наметили программу “политического воздействия на нормальный ход хозяйственно-политической жизни страны путем создания в ней непрерывных кризисов”» [Как ломали... 2000, с. 445–447]. Как видно, “градус полити-

ческого напряжения” на Пленуме повышался от заседания к заседанию. Что же касается сфабрикованных и сфальсифицированных дел против специалистов, объединенных так называемым “шахтинским делом” [Красильников, Савин, Ушакова 2011], они определили вектор будущих широкомасштабных репрессий 1937–1938 гг.

В резолюции Пленума ЦК “О группе Бухарина”, принятой 17 ноября 1929 г., взгляды “правых” были признаны несовместимыми с “генеральной линией” партии. Вывод Бухарина из состава Политбюро ЦК, так же как суровое предупреждение его единомышленникам, означало, что их политическая судьба была фактически решена. В резолюции Пленума “О контрольных цифрах народного хозяйства на 1929/1930 г.” доминировала позиция, изложенная в докладе Куйбышева. Критерием эффективности работы народного хозяйства выступало усиление его социалистического сектора и вытеснение всех негосударственных укладов. Пожалуй, наиболее примечательной являлась резолюция “Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства”. В ней сохранились основные положения доклада Каминского о том, что “вслед за бедняком в колхозы двинулась и середняцкая масса”, а “широкое развертывание колхозного движения протекает в обстановке обострения классовой борьбы в деревне и изменения ее форм и методов”. Успехи колхозного строительства связывались с еще только предстоящим строительством новых мощных тракторных заводов. Отражая весьма неоднозначное обсуждение на Пленуме проблем модернизации сельского хозяйства, резолюция не содержала никаких конкретных цифр-заданий по темпам коллективизации. Впрочем, в этом уже не было особой надобности: *открытое* противодействие сталинскому курсу было сломлено. Идеологический “дурман” вошел в сознание партийной верхушки, формируя для одних нормы приспособленчества, а для других – привычку к предательству или покаянию.

* * *

Восьмидневный марафон Пленума ЦК ВКП(б) в ноябре 1929 г. ввел в себя профессионализм разработчиков Первого пятилетнего плана, стремящихся сохранить свое детище; подчеркнутую сдержанность лидеров “правых”, подвергавшихся с ноября 1928 г. постоянной травле, вынужденно признавших правоту сталинской фракции, но не отречшихся от своих взглядов; попытки отдельных членов ЦК не допустить превращения внутрипартийной дискуссии во фракционную вражду; фрагменты реальной картины советской экономики конца 1920-х гг. в выступлениях ряда хозяйственников и региональных лидеров. Восемь дней работы партийного форума в ноябре 1929 г., казалось бы, проходили по сценарию генерального секретаря ЦК ВКП(б). Однако представители большевистской элиты не могли полностью абстрагироваться от прежнего опыта и знаний; прежних партийных традиций; от реалий социальной и экономической жизни. За стенами Кремля проходила та жизнь, которая явно не укладывалась в догмы марксистской теории. Внедрение сверху, принудительно, командной экономики – уродовало рынок, но не могло истребить его. Более того, командная экономика не могла существовать без рынка, ведь он выполнял важнейшие социально-экономические функции, не только паразитируя на плановом государственном хозяйстве, но и помогая плановой экономике выжить, компенсируя дефицит товаров и перераспределяя товарные ресурсы [Осокина 2008]. И в годы Первой пятилетки, и, особенно в середине 1930-х гг., соотношение утопического и индустриального проекта будет заново переосмысливаться многими из тех, кто в ноябре 1929 г. либо отмолчались, либо осуждали “правых” [Фельдман 2011]. Рубеж преодоления открытого сопротивления части большевистской элиты был пройден. Начиналась эпоха сопротивления самой жизни сталинским скрижалям и долгого пути конкретных людей к прозрению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Верт Н. (1992) История Советского государства. 1900–1991. М.: Прогресс-Академия.
- Ивницкий Н.А. (1995) Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов // Судьбы российского крестьянства. М.: Российский государственный гуманитарный университет. С. 249–297.
- Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК и ЦКК ВКП(б). 1928–1929 гг. (2000) В 5 т. Т. 5. Пленум ЦК ВКП(б). 10–17 ноября 1929. М.: РОССПЭН.
- Осокина Е.А. (2008) За фасадом “сталинского изобилия”: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН.
- Проблемы реконструкции народного хозяйства на пятилетие (пятилетний перспективный план на пятом съезде советов госпланов) (1929) М.: Плановое хозяйство.
- Такер Р. (2013) Сталин-диктатор: У власти. 1928–1941. М.: Центрполиграф.
- Такер Р. (1991) Сталин: путь к власти. 1879–1929. История и личность. М.: Прогресс.
- Фельдман М.А. (2011) Две тенденции государственной экономической политики в середине 1930-х гг., или Пять дней из жизни Г.К. Орджоникидзе // Экономическая история. Обзорение. Вып. 15. М.: Издательство МГУ. С. 86–95.
- Хлевнюк О.В. (2015) Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М.: АСТ.
- Шахтинский процесс 1928 г. Подготовка, проведение, итоги. В 2 кн. / Под ред. С.А. Красильникова. (2011) М.: РОССПЭН.

REFERENCES

- Feldman M.A. (2011) Dve tendencii gosudarstvennoy ekonomicheskoy politiki v seredine 1930-h gg., ili Pyat' dney iz zhizni G.K. Ordzhonikidze [Two trends of state economic policy in the middle of the 1930s, or five days of G.K. Ordzhonikidze's life]. *Ekonomicheskaya istoriya. Obzrenie*. Vyp. 15. Moscow: Izdatel'stvo MGU, pp. 86–95.
- Hlevnyuk O.V. (2015) *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya: biografiya*. [Stalin. The life of a leader: a biography]. Moscow: AST.
- Ivnitskiy N.A. (1995) *Kollektivizatsiya i raskulachivanie v nachale 30-h godov. Sud'by rossiyskogo krest'yanstva* [Collectivization and dispossession in the early 30s. Fate of the Russian peasantry]. Moscow: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarny universitet, pp. 249–297.
- Kak lomali NEP. Stenogrammy plenumov CK i CKK VKP(b). 1928–1929 gg. (2000) V. 5. t., T. 5. Plenum CK VKP (b). 10–17 noyabrya 1929. [How to break the NEP. The transcripts of plenums of the Central Committee and tskk VKP(b). 1928–1929]. In 5 vols. Vol. 5. The Plenum of the Central Committee of the CPSU (b). November 10–17, 1929]. Moscow: ROSSPEN.
- Osokina E.A. (2008) *Za fasadom “stalinskogo izobiliya”: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941* [Behind the facade of “Stalin's abundance”: Distribution and market in the population in the years of industrialization. 1927–1941]. Moscow: ROSSPEN.
- Problemy rekonstrukcii narodnogo hozyajstva na pyatiletie (pyatiletnij perspektivnyj plan na pyatom s'yezde sovetov gosplanov)* (1929) [Problems of reconstruction of the national economy for five years (five-year perspective plan at the fifth Congress of Soviets of state plans)]. Moscow: Planovoe hozyajstvo.
- Shahtinskiy process 1928 g. Podgotovka, provedenie, itogi. V 2 knigah (pod red. S.A. Krasil'nikova)*. (2011) [Shahtinskiy process 1928 Preparation, implementation, results. 2 bks. Ed. by S.A. Krasilnikova]. Moscow: ROSSPEN.
- Taker R. (2013) *Stalin-diktator: U vlasti. 1928–1941* [Stalin-dictator in power. 1928–1941]. Moscow: Tsentrpoligraf.
- Taker R. (1991) *Stalin: put' k vlasti. 1879–1929. Istoriya i lichnost'* [Stalin: the way to power. 1879–1929. History and personality]. Moscow: Progress.
- Vert N. (1992) *Istoriya Sovetskogo gosudarstva. 1900–1991* [History of the Soviet state. 1900–1991]. Moscow: Progress-Akademiya.